

Толпа, собравшаяся посмотреть на потасовку, уже вся разбежалась. Остались лишь те, кто не мог уйти сразу, у кого имелась лавка или торговое место поблизости.

Цинь Хэ неторопливо вышел из магазина. Цинь Пин шевельнула губами, будто хотела его остановить, но так и не осмелилась, только смотрела, как он спокойно шагает наружу. Улица, что ещё минуту назад гудела от людских голосов, теперь была пуста и тиха. Цинь Хэ тяжело вздохнул.

Но кое-что нужно было прояснить. У Куй У и так уже достаточно устрашающая репутация, не хватало ещё, чтобы их считали бессердечными и бесчестными. Пусть они и не стремились к чиновничьей службе, дурная слава всё равно могла повредить. Цинь Хэ не хотел нести на себе вину за то, чего не совершал.

Окинув взглядом округу, он увидел крупного мужчину у лавки с лепёшками с бараниной и направился к нему.

Он первым вежливо поклонился и сказал:

— Осмелюсь попросить господина засвидетельствовать, что я и мой муж вовсе не такие бессовестные, какими нас только что пытались выставить.

Мужчина кивнул, поощряя его говорить дальше. Цинь Хэ стоял с прямой спиной, словно сосна или кипарис, голос его звучал чисто и ясно, как родник. Черты лица у него изящные, а сам он - шуаньэр, не представляющий угрозы, что само по себе легко вызывало симпатию и располагало к доверию.

— Только что поднявший крик человек и впрямь приходится мне родной сестрой, — начал он громко, — но всё то, в чём она меня обвинила, я не могу признать. Хотя я её старший брат, я уже несколько дней как вышел замуж. Когда я вступал в брак, у меня не было ни свадебной одежды, ни даже сил - меня с высокой температурой прямо с постели бросили в свадебный паланкин. Мой муж в тот день занимался приёмом гостей и не заметил, что я болен. Только на следующее утро он обнаружил, что я едва жив от лихорадки. К счастью, он сразу же позвал лекаря, и тому удалось спасти мне жизнь.

— Если бы у родных не было серебра на лечение, я бы и слова упрёка не сказал. Но ведь это не так. За день до свадьбы они получили от моего мужа два ляна в качестве брачного выкупа. Значит, деньги у них были, и они сознательно не стали тратить на моё спасение.

Голос Цинь Хэ звучал твёрдо и внятно. Сначала к нему прислушивался только хозяин лавки с лепёшками, но вскоре и владельцы других лавок, убедившись, что опасности больше нет, начали выходить и собираться вокруг. А некоторые прохожие даже стали выглядывать из-за углов, чтобы тоже послушать, что за шум был, и не пожалели. В это время у людей и без того не было особых развлечений, а если удавалось услышать чей-то семейный скандал, это было сродни развлекательным новостям. Такая сплетня могла передаваться из уст в уста неделями, если не месяцами. Если только не всплывёт что-то новое, весь город будет обсуждать

услышанное с нескрываемым увлечением.

Цинь Хэ, заметив такой эффект, был вполне доволен. Он продолжил говорить громко, так чтобы все желающие могли расслышать:

— Изначально у меня была помолвка с Ли Чанфу из семьи Ли, но моя семья посчитала, что раз я шуаньэр, то помешаю будущей карьере господина из семьи Ли. В итоге они без моего ведома расторгли помолвку и отдали её моей младшей сестре. Но и на этом всё не закончилось. Поскольку мой муж владеет землёй, которую моя семья арендует, а арендную плату платить они не хотели, меня просто отдали в уплату за зерно, вдобавок ещё выпросив у моего мужа два лянна серебра в качестве выкупа.

— Я выходил замуж без гроша за душой. Всё, что у меня теперь есть - это то, что мой муж, пожалев меня в моих лохмотьях, купил на свои собственные сбережения. Так скажите мне, если я теперь женат, и мой муж покупает мне вещи, разве это преступление? Или, может, раз он купил что-то мне, то теперь обязан купить и для моей младшей сестры?

— И если бы речь шла всего лишь о простеньком наряде за несколько десятков вэней, мы бы и слова не сказали. Но это не так! Моя сестра требует два цзиня дорогой ваты по тридцать вэнь за цзинь, и три с половиной чи хлопковой ткани по тридцать вэнь за чи. Всё это в сумме тянет более чем на сто вэнь! Скажите, разве я, простой шуаньэр, который только что вышел замуж без приданого, имею право требовать от мужа тратить такие деньги на мою сестру? А если мой муж потратится и в доме не останется ни крошки, что тогда?

- Отец с матерью еще живы, и если уж говорить о приданом, то именно родители должны, исходя из своих возможностей, его подготовить. Никогда не слышал, чтобы женатый старший брат, уже ушедший в чужую семью, должен был воровать деньги у своего мужа, чтобы помочь сестре с приданым. Если всё приданое должен давать мой муж, то кто невесту за себя берёт: он или семейство Ли, куда она выходит замуж?

Цинь Хэ спокойно и чётко изложил всю предысторию. Услышав это, толпа, собравшаяся посмотреть на зрелище, сразу всё поняла.

— Так вот оно что! — покачала головой одна из женщин. — А я-то ещё удивлялась, если всё было, как та девчонка кричала, и именно она в семье страдала, то с чего бы ей тогда так нагло посреди улицы вцепляться в брата и требовать с него денег на покупку. Оказалось, что всё наоборот, «вор сам кричит: держите вора».

— И не говори, — поддакнула другая. — Если бы она не привыкла изводить брата, то с чего бы ей сразу требовать такие дорогие вещи? Сто с лишним вэнь - это ж немалые деньги. Вот у меня дочка когда замуж выходила, я ей с трудом накопила двести вэнь на приданое, а эта рот открыла и сразу с зятя сто вэнь требует - и ничего, даже не стесняется.

— Ай да девчонка, — фыркнула одна из тёток. — Я таких наглых давно не видала! Языком вертит, белое с чёрным путает, чуть не заставила брата под давлением кошелёк раскрыть. Ты

хоть думала, а? Сегодня ты выманишь у брата такие деньги, а что потом? Придёт он домой и что, муж его не побьёт? А если молодожёны из-за этого разругаются? А если свёкры потом на него ополчатся? Нельзя же быть такой эгоистичной, как бы ни хотелось красивого платья, прежде всего человеком надо оставаться!

Неизвестно как, но толпа, что было разошлась, снова собралась у магазина тканей. Люди стояли снаружи, а Цинь Пин внутри. Через порог в неё летели взгляды и тычки пальцами. Говорили все громко, слышно было даже через улицу. Всего за пару минут весь общественный гнев, ещё недавно направленный на Цинь Хэ, обрушился на неё.

За что? Почему так? — думала Цинь Пин. Разве она сделала что-то ужасное? Она всего лишь попросила немного хлопка и немного ткани. У них ведь есть деньги, сами себе же покупают, так почему нельзя купить и ей? И почему всё вывернули наружу и выставили её в таком свете?

А главное, зачем он сказал про расторгнутую помолвку? Что ему это дало? Разве это не повредит карьере старшего брата Чанфу? Он ведь мог бы уступить и когда Чанфу добьётся должности, он бы тоже получил выгоду! Зачем он всё испортил и поставил всех в неловкое положение?

Цинь Пин с покрасневшими от слёз глазами стояла в магазине, на неё всё указывали пальцем. Смахнув слёзы, она внезапно закричала:

— Я не покупаю! Мне не надо! Довольно, довольны?!

Закричав, она разрыдалась и метнулась к выходу, но лавочник, зорко следивший за ситуацией, ловко перегородил ей путь - точно так же, как она сама до этого преградила дорогу Цинь Хэ.

Он натянуто усмехнулся, но в глазах у него не было и тени улыбки:

— Маленькая госпожа, а вот так просто уйти не выйдет! Вата - ладно, не страшно. Ее и без вас с руками оторвут. А вот ткань - извините! Я ж по вашим размерам резал! Кому теперь продать? Покупателю будет то велико, то мало, да кто ее возьмёт?

Цинь Пин, продолжая плакать, закричала:

— Продайте тому, кому надо!

Хозяин лавки презрительно хмыкнул:

— Легко сказать. Один просит чи, другой два. А вы мне половину чи оставляете - кому я его продам? Эта ткань на свадебные наряды, она яркая, нарядная. Остаток пол-чи никому не нужен, хоть на голову наматывай, всё равно пропадёт. Или, может, вы сами мне за убытки заплатите?

— Но когда вы кроили, они ведь не сказали, что не заплатят! — всхлипывая, выкрикнула Цинь Пин. — Почему вы теперь с них не требуете? Если бы они сразу сказали, что платить не будут, я бы и не просила!

- Маленькая госпожа, не кажется ли вам, что такие слова чересчур нелепы и смешны? — с издёвкой сказал хозяин лавки. — Хотя в этом мире и правда случается всякое, но я ещё ни разу не слышал, чтобы кто-то покупал товар, а платить за него должен был другой. Да и вообще, кто вам мешал заранее уточнить, кто будет платить? Вы ворвались в мою лавку, даже не поздоровались с вашим братом, сразу потребовали ткань. Я-то с чего должен был догадаться, что вы вообще знакомы? Да даже если бы и знал, за годы торговли я ни разу не видел, чтобы я не с покупателя деньги брал, а с того, кто рядом с ним просто стоит!

— А мне всё равно! У меня нет денег! — взвизгнула Цинь Пин, поняв, что выкрутиться не получится, и решила просто съехать в откровенное хамство. Она бросила косой взгляд в сторону двери - Цинь Хэ всё ещё стоял снаружи и смотрел на неё. В её сердце тут же вспыхнула ярость.

Вот теперь он доволен, да? Она опозорилась на глазах у всей улицы, унижена, растоптана. Он, наверное, счастлив! А раз он такой довольный, пусть уже и расплатится!

Хозяин лавки холодно хмыкнул:

— За столько лет торговли я встречал всяких ублюдков и бездельников, но чтобы девушка из хорошей семьи так нагло пыталась уйти от оплаты - такое вижу впервые! Спасибо, глаза мне открыли!

Он повернулся к подмастерью:

— А-Мань, иди в управу! Скажи, что в нашей лавке объявилась мошенница, которая попыталась обманом забрать товар, не заплатив. Ещё скажи, что она называет себя невестой господина-цзюйжэня. Пусть чиновники разберутся, чей это такой позор, и подумают, будет ли у этого господина вообще шанс на карьере с такой невестой!

Подмастерье бойко ответил:

— Сейчас же иду!

— Постой, нельзя! — закричала Цинь Пин, лицо её стало пепельно-серым от страха. Если из-за неё карьера старшего брата Чанфу рухнет, как он вообще сможет на ней жениться? А семья Ли её просто разорвет!

— Я заплачу, я заплачу, хорошо?! — наконец выдавила она, всё ещё надеясь вытянуть деньги у Цинь Хэ, но обернувшись, не увидела его - он уже ушёл. Снаружи толпилось много зевак, но ни

одного знакомого лица.

— Но у меня при себе нет серебра, вам придётся пойти со мной домой, там я и отдам.

— А-Мань, ступай с ней. Получишь деньги и сразу возвращайся.

— Хорошо, хозяин, — весело ответил А-Мань. — Маленькая госпожа, прошу, ведите вперёд.

Цинь Пин не видела иного выхода, кроме как повести А-Маня домой за деньгами.

А в толпе, притаившись среди зевак, Ли-ши с облегчением выдохнула и похлопала себя по груди, ей ещё трясло от страха. Хорошо, что она тогда не пошла вместе с Цинь Пин. Если бы эта маленькая дрянь сдала её, тот Ша-шэнь точно бы её убил.

Ли-ши крепко схватила сына за руку и ускользнула прочь. Подходя к дому, она специально приказала:

— Вернёшься - молчи, понял? Если ты что-то скажешь, тот Ша-шэнь твою мать убьет!

Мальчишка лет семи-восьми был так напуган, что чуть не расплакался:

— Я ничего не скажу! Никому!

Цинь Пин привела помощника в дом. Услышав, что она купила такую дорогую ткань, старики из семьи Цинь едва не упали в обморок.

— Ты с ума сошла?! — вскрикнула мать. — Это ж сто двадцать три вэнь! А ты на них купила ткань? Ты думаешь, ты какая-то драгоценная барышня из знатного рода? В паланкине разъезжаешь, кушаешь деликатесы? У тебя нет на это судьбы!

— Мы с отцом экономим на еде, одежда вся в заплатках, да и та ещё с нашей свадьбы! А ты смеешь покупать ткань по тридцать пять вэнь за чи?!

— Когда ты уходила, я тебе как велела? Самая дорогая ткань - пятнадцать вэнь, и то грубая! Это же тебе на новую одежду, если аккуратненько носить, не в поле ведь работать, то и до самой смерти хватит!

Цинь Пин рыдала так, что у неё перехватывало дыхание:

— Это не моя вина! Всё из-за Цинь Хэ! Если бы он купил мне, всего бы этого не случилось! — рыдала она, захлёбываясь злостью. — Ты не знаешь, мама, он сегодня купил две цзиня хлопка и несколько метров дорогой ткани! И это ещё не всё, я от сестры брата Чанфу слышала, что Куй У ещё и купил ему поесть: колбаски из баранины, суп с потрошками и лепёшку с мясом! Только на еду ушло больше тридцати вэней! Он на такое тратится, а мне пару чи ткани купить не может?! Я же хорошо выхожу замуж, у меня в доме будет положение, разве он сам не получит от этого выгоду?!

Мать Цинь на мгновение задумалась, потом настороженно спросила:

— Это правда? Тот Ша-шэнь в самом деле всё это купил твоему брату?

Цинь Пин, увидев, как изменилась мать в лице, перестала даже плакать, торжественно кивнула:

— Правда, мама. И ты должна с него потребовать деньги! Он ведь старший брат, разве не должен помочь сестре с приданым? И не только мне, когда младший брат будет жениться, он тоже должен будет помочь.

Глазёнки Цинь Пин забегали, в голове тут же родился план:

— Надо требовать не только за ткань, но и за тот хлопок. Мама, ты подумай - столько хлопка! Если расходувать экономно, класть в одежду поменьше, тебе, отцу и брату хватит! А уж насколько тёплой будет такая одежда! А я - я свою долю не возьму, всё отдам младшему брату, он ещё совсем ребёнок, разве можно позволить ему мёрзнуть? Если он заболит, что тогда? Он же будущее семьи Цинь!

Мать семьи Цинь, подстрекаемая речами собственной дочери, уже почти поддалась, но всё же слегка колебалась:

— А... а этот Ша-шэнь... он согласится, как ты думаешь? Если я заговорю об этом, не побьёт ли он меня?..

Цинь Пин при этих словах мгновенно вспомнила тот ужасный момент, когда Куй У всего лишь за пару ничего не значащих слов в адрес Цинь Хэ вонзил нож прямо в головной убор того мужика. А если бы промахнулся хоть на чуть-чуть? Если бы это был не убор, а череп? Она вздрогнула, по телу пробежала дрожь, и страх того момента с новой силой захлестнул её.

Но рассказать матери об этом она, конечно же, не собиралась. Её мать и так боялась Куй У до смерти, если она узнает всю правду, то уж точно никогда не посмеет заговорить. А она должна заговорить! Это ведь её свадебное платье, её достоинство, её будущее!

Цинь Пин заглушила совесть и сказала:

— Не будет он нас бить, мама. Ты ж ему тёща, а папа тесть, как он может вам отказать, если вы лично попросите? Ну, даже если на худой конец он и откажет, то что? Мы же просто попросим, а не силой отбираем, ничего не теряем. Не даст так и не даст.

— А что до драк, — продолжала она, — ты сама подумай, мама. Мы все слышали, какой он страшный, но ты слышала хоть раз, чтобы он поднял руку на родителей? Нет ведь, ни одного слуха! Так что даже если он и суровый, то к родителям точно уважение имеет.

После такой настойчивой обработки со стороны Цинь Пин, мать семьи Цинь наконец решилась:

— Ладно... как раз завтра у Цинь Хэ возвращение в родительский дом на третий день после свадьбы, вот и спрошу у него.

Но тут же поставила условие:

— Только одно тебе скажу: если получится выбить эти деньги, ты сошьешь себе свое платье на свадьбу. А если не получится, ткань оставим, и потом как раз на свадьбу твоему брату пойдёт. Такая хорошая ткань, с ней в любую семью жениха отправлять не стыдно.

Цинь Пин злобно закусила губу, сердце её сжалось от ненависти, но при этом она в душе молилась, чтобы мать обязательно выпросила у Цинь Хэ деньги.

А в это время Цинь Хэ с Куй У, воспользовавшись суматохой, уже покинули магазин тканей. На дороге Куй У, обычно рубящий с плеча, вдруг неожиданно часто и украдкой посматривал на Цинь Хэ, явно хотел спросить, но не решался, боясь снова задеть больное.

Цинь Хэ, заметив это, сначала чуть не рассмеялся, но в то же время ощутил тёплое чувство. Ведь неважно, насколько человек грубоват, если в его сердце есть ты, он обязательно заметит всё - твою радость, твою грусть, твою боль.

— Со мной всё в порядке, далан, — сказал Цинь Хэ. Он не был прежним Цинь Хэ, не был тем, кто вырос в доме Цинь, не имел к этим людям ни чувств, ни привязанности. А раз нет чувств - нет и надежд, а без надежд не бывает разочарования, а значит, и боли от предательства быть не может.

— Я смирился с ними ещё тогда, — продолжил он, — когда лежал в горячке, а они даже лекарства не захотели мне дать. С того момента я уже ничего от них не ждал, значит, и теперь мне не за что страдать.

— И хорошо, что не страдаешь, — кивнул Куй У. — С такими родными не о чем жалеть. Теперь у тебя есть я. Ты - мой фулан. Я обязательно буду к тебе хорошо относиться. Не переживай: я буду зарабатывать, кормить тебя, одевать тебя, чтобы ты ел досыта и зимой не мёрз.

«Кормить и одевать» - наверное, это были самые нежные и трогательные слова любви, на которые был способен прямолинейный, грубоватый Куй У. И, как ни странно, именно эти слова оказались самыми желанными для Цинь Хэ, прошедшего сквозь суровое выживание в постапокалипсисе.

Куй У хотел было похлопать фулана по плечу, мол, не унывай, всё будет хорошо, но, уже занеся руку, вовремя опомнился: плечи его супруга казались слишком тонкими, почти хрупкими, и он испугался, что может ненароком причинить боль. Поэтому он молча опустил руку.

Взгляд Куй У скользнул по своему супругу, и он мягко сказал:

— Пойдём к лавке мясника Чжоу, у него и баранина, и говядина есть.

— Но ведь, — удивился Цинь Хэ, — разве продажа говядины не запрещена указом?

Куй У с недоумением посмотрел на него и лишь потом ответил:

— Если народ не жалуется, власти не вмешиваются. Да и вообще, этот указ с самого начала не работал. Даже в столице его никто толком не соблюдает, а уж в нашем Дишуге, что совсем рядом с кочевыми землями, и подавно всем плевать.

Он махнул рукой:

— Пошли, я покажу. Купим немного мяса. Ты у меня слишком худенький, надо есть побольше, а то как же мне тебя потом оприходовать?

<http://bllate.org/book/13598/1205821>